

Счетчик самой посещаемой интернет-странички Юрия Беридзе показывает за 10 лет свыше

444 тысяч читателей

Певец высокой тишины

Беседовал Глеб Бобров

– В 2010 в Луганске была издана Антология современной военной поэзии «Осколки», и этот сборник открывался именно Вашим именем. Как москвич оказался луганчанином?

– У меня – большая родина, на пространствах которой я и жил, и наживал, говоря высоким штилем, свои духовные капиталы. Это и Грузия, где я родился, и Украина (Винницкая область, где поныне живут мои родственники по маминой линии и где я жил с полутора до девяти лет до возвращения в Грузию, Львов, где учился в военном училище), и Армения, где службу солдатскую служил, и Россия – от Заполярья, где началась моя офицерская биография, до Москвы. Это десятки тысяч людей по всему бывшему общему нашему Союзу, которые были в моей жизни и, конечно же, что-то важное мне дали... Стало быть, в известном смысле я и луганчанин – разумеется, если Луганск, в котором, надеюсь, поныне живет и здравствует товарищ моей лейтенантской поры Саша Устенко, не против такого земляка.

Что же касается «Осколков»... Мне кажется очень важным, что эта Антология была издана именно в Луганске. Дело в том, что этот интернациональный город, интеркультурный центр Украины изданием такой книги показал: русская поэзия – это не поэзия России, это общее наше достояние...

– Вы – интернационалист и по рождению, и по духу?

– Если бы мне сказали: «Ты русский», я бы деликатно поправил: «Я – грузин». Но если бы сказали: «Ты – не русский», я бы возмутился: «Кто не русский, я – не русский?!»

Насчет интернационалиста... Я говорю проще: «Я – дети разных народов». Во мне столько кровей намешано: грузинская, русская, польская, даже турецкая. Но не это важно. А то, что я искренне убежден: дело – не в крови.

– Как этот многонациональный микс отражается в Вашей поэзии?

– По-разному. Например, в 2008 году – помните «войну 08.08.08»? – моя электронная почта была буквально завалена письмами от моих земляков из Грузии с обвинениями в «предательстве нации» за эти строки:

Под лязг воинственных затворов и обвиненья: «Не грузин!»

меняю свой грузинский норв

©Александр Карлев

Слово «поэзия» в дословном переводе с древнегреческого означает «сотворение» – акт совместного творчества Бога и человека. Поэтому наиболее важные тексты облекались в стихотворную форму – дабы не смешивать божественное с обыденным. Сегодня социальный статус поэзии иной. О месте творца в повседневной жизни в эксклюзивном интервью «Реальной газете» рассказывает наш современник – поэт Юрий Беридзе

на крепость духа осетин...

Меняю шкурный зуд амбиций, непримиримый счет войны

на сдачу тех и сих позиций и осознание вины...

Меняю яблоко раздора на неприятие смертей, на вынесенье приговора по обвинению вождей...

Но чаще – и слава Богу! – это отражается по-другому. Вот так...

По-грузински это – «дэда-мица», а по-русски это – «мать-земля»...

Ничего не может измениться со времен начальных бытия...

Недоступно никому, хранится в самом дальнем сердца уголке:

«мать-земля» – по-русски, «дэда-мица» – на родном грузинском языке...

Этих слов звучание простое для меня превыше всех муз'ык, я на них, как камертон, настроен, и какой бы ни звучал язык,

в переводе все одно – святыня, за нее и Господа молю:

мать-земля – люблю тебя, как сын, я, дэда-мица – словно сын, люблю...

Люблю – это слово для меня главное, о чем бы ни шла речь – о Грузии, России, Украине, любом уголке той страны, в которой я родился. Даже если в том уголке нет нынче ответной любви. Что ж, в этом случае моя – безответная.

Вот еще одно стихотворение, в нем как раз идет речь об одном из корней такой любви – «Мамина родина»:

Подкова, известно, на счастье – и счастья бы каждому дому...

Но что-то караковой масти подкова Великого Дона...

И хмуро Цимлянское море заезжего гостя встречает...

И значит, вот эта подкова – излучина батюшки Дона, дана мне, как счастья основа... Как дар материнский – икона...

Как дедовский дар вековечный... И вот – среди этой красоты я, и мне дорога бесконечно Россия... Россия... Россия...

– Каково, на Ваш взгляд, место поэта, как Творца в се-

Луганск – интернациональный город, интеркультурный центр Украины изданием сборника «Осколки» показал: русская поэзия – это не поэзия России, это общее наше достояние...

Стою под густым осокорем, внимая молчанию чаек.

Стою под ворчание моря и чую, как Сальскою степню во весь свой безбашенный норв несутся былые столетья – и топчут копытами ляха, что в это степное раздолье заброшен (все ж лучше, чем плаха) из Лодзи царевою волей. Стоптали... Обычная драма... Былое шляхетство забыто...

Но здесь родилась моя мама под бешеный топот копытный...

И русская линия рода, пройдя через Сальские степи, до края дойдя небосвода – связалась с грузинской в Месхети...

годняшнем мире и на территориях постсоветского пространства?

– Среди людей, конечно. – У Вас есть ученики, последователи?

– А разве я похож на учителя, на гуру? Никогда не возьмусь кого-либо учить – жизни ли, поэзии ли... Это то, чему человек учится сам – если, конечно, обучаем. Я как-то в шутку и всерьез об этом написал:

...В поэзию – не в хату на постой... Иди – хоть к черту, хоть в забой, в запой, понохай быт геологов в тайге, наймись хотя б спасателем к Шойге, бродягой пошатайся по Руси, от горя взвуй, навзрыд поголоси...

Ну, в общем, пободайся, подерись не за постой в поэзии – за жизнь...

Не искушаю: все ж таки – не бес... Но только так получит цвет и вес

тобою порожденная строка... Иначе – лишь набитая рука...

...А если жизнью битый по мордам (а это, к слову, не какой-нибудь ван Дамм),

и если не без совести живешь – тогда по делу скажешь и споешь...

У меня не ученики, не последователи, а друзья, единомышленники, близкие мне по духу творческие люди. Мы пытаемся учиться у жизни. И я, например, нередко получаю «двойки»...

– А эпигоны?

– Этого я тем более не отслеживаю. Да и вряд ли я настолько поэтически харизматичен, чтобы у меня были эпигоны.

А вот кто точно есть, так это плагиаторы. Вот – о самом смешном плагиаторе. Однажды я случайно наткнулся в интернете на сайт, где было размещено более сотни моих стихотворений. С указанием моего авторства. Под этими стихотворениями шел оживленный разговор читателей с автором – то есть, со мной. Я, упирая на свой флотский офицерский опыт, учил этих читателей жизни, давал советы, зачастую весьма банальные и даже бредовые.

И что самое удивительное – я к этому не имел никакого отношения. За исключением того, что стихи были мои. Оказалось, мою роль играла одна окололитературная дамочка, перевоплотившаяся в меня. Зачем она это делала, так и не понял...

– Еще каких-то полстолетия назад в нашем некогда общем доме – СССР – поэт был кумиром, иконой: миллионными тиражами издавались книги, пластинки с текстами стихов, в залах на встречах с Евтушенко, Вознесенским и Ахмадулиной яблоку негде было упасть. Где это все, почему?

– Если бы из напитков были бы только чай и кофе, наверное, все повально были бы кофеманами и чаеманами... А если серьезно, то сегодня доступна любая духовная – и даже антидуховная – пища. Вот и прошло распределение внимания публики. И в первую очередь массовое внимание привлекает то, что агрессивно борется за внимание публики, ибо умеет конвертировать его в денежные знаки.

Надеюсь, так будет не всегда.

Прямая речь

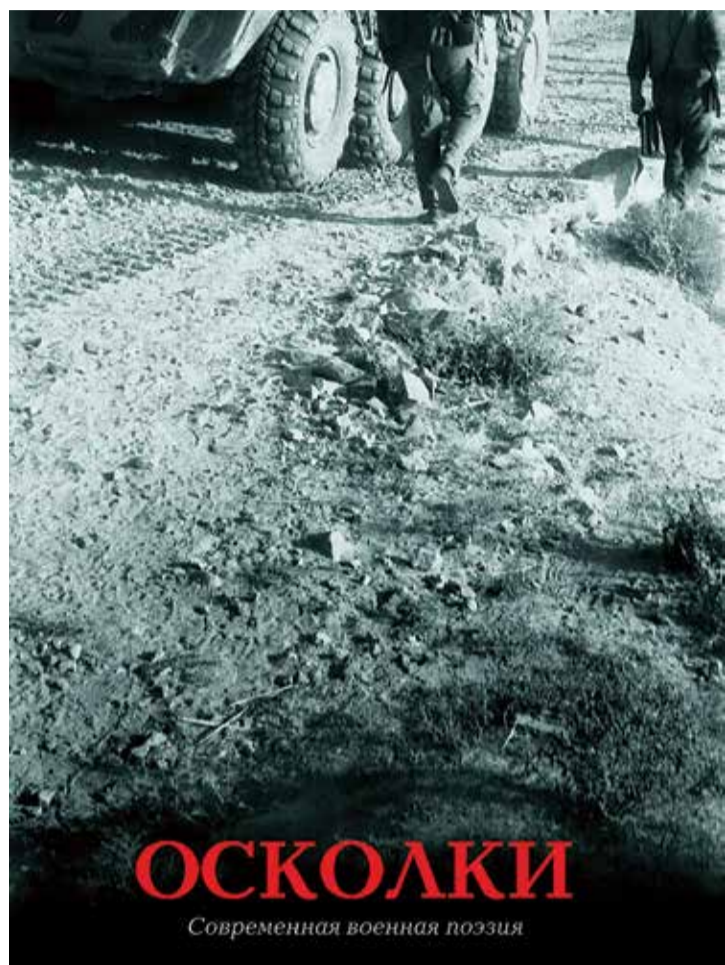

Поэзия Юрия Беридзе – это культура Слова и Чувства, синтезированная в культуру Образа. Однако главное существительное в его творчестве – именно Культура

Владимир Олейник, критик, редактор-составитель сборника «Осколки», кандидат пед. наук

17
реальное
ИСКУССТВО

ОСКОЛКИ

Современная военная поэзия

– Поэт-песенник – его возможности воздействия на умы, на мир шире или уже?

– Интересно, для общества еще актуальны слова «Нам песня строить и жить помогает»? Наверное, сегодня они звучат так: «Нам песня тусить в оттяг помогает».

А песня – она, действительно, имеет большую возможность воздействия. И в силу того, что это синтетический жанр – работают и текст, и музыка, и голос, и внешность исполнителя, и разного рода сценические

эффекты. А стихи чаще всего требуют уединения...

– Правда ли, что Вы – один из любимых поэтов-песенников Президента России Владимира Путина?

– Вы, очевидно, имеете в виду написанную мной песню «По высокой траве», которая, как писали некоторые СМИ, нравилась Владимиру Путину? Ну, вряд ли он даже знает, что слова песни именно я написал. Тут, скорее, дело в группе «Любэ» и Николае Расторгуеве, которые, насколько я знаю, действительно нравятся главе государства.

– Ну, и в боях «Альфы», вместе с которыми «Любэ» ее исполняет, в том числе и в Колонном зале Дома Союзов?

– Для меня важно другое: что эта песня пришлась по душе очень многим людям, причем, не только тем, кто посвятил себя ратному служению.

А те, кто посвятил... Для меня они – особая статья. Значительная часть моего творчества – это то, что называют военной лирикой. Почему? Ведь я – не воевал, разве что, будучи военным журналистом, прошел по ее краешку, далеко не самому опасному и кровавому...

– Однако, прикоснулись...

Наверное, это можно многим объяснить. Но одно из объяснений, которое я даю сам себе, звучит так: это от осознания собственной виноватости в том, что меня сия чаша миновала, что я, в отличие от десятков моих друзей, родных и близких людей, живых и мертвых, не был в том огне, через который прошли они. И оттого, что я – их должник. Вот и пытаюсь отдавать долг тем, что у меня есть – любовью, уважением, честным стремлением рассказать об их судьбах, взятых ими высотах, последних их минутах, жизни на войне и после нее.

И самый огромный долг, долг, который я никогда не смогу оплатить – перед павшими. Перед теми, кто по-солдатски предстал перед Господом. О них – мое стихотворение «Прими, Господь, по описи»:

*Из пламени да копоти –
в мир светлой тишины...
Теперь, выходит, Господи,
ты вместо старшины?
Тогда прими по описи:
«калаш», бронжилет,
рожок в кровавой окиси –
пустой, патронов нет.
А гильзы-колокольчики
усеяли поля.
Сперва патроны кончились,
а вслед за ними – я.
Пиши, Господь: солдатское
исподнее белье,
душа моя арбатская
и тело – без нее...*

– Опять же возвращаясь в прошлое – вспоминая Визбора и Галича, Окуджаву и Высоцкого, да и других культовых певцов – всегда на первом месте были тексты. Та же Пугачева, к примеру, «озвучила» сонеты Шекспира. Что происходит сегодня?

– Сегодня, как правило, пишутся тексты. Есть даже такой термин – «подтекстовка»: то есть текст, написанный на музыку.

Впрочем, я не такой уж и спец в этих вопросах. Мне больше нравится, когда музыка написана на стихи – потому что в этом случае, как правило, текстовая составляющая песни содержательно, поэтически более цельна. При этом не исключая, что можно и на музыку написать хорошие стихи. Но – не «подтекстовку»...

– Сейчас практически каждый ресторан предлагает

– Совсем недавно имел «счастье» лицезреть анонсы новогодних праздничных программ центральных телеканалов. Если в двух словах, то просто «бал сатаны» – торжество кича, дурновкусия и попсы в худшем понимании этого слова. Да еще и помноженный на государственный статус. Что это? Как выжить творцу в такой культурной среде?

– Само по себе это меня не удивляет. Коммерческий подход предполагает ориентацию на массы потребителей. А для массового сознания, увы, попса – вполне искусство, оно готово платить. Более тревожит то, что на государственном уровне, в духе истинной культуры. К сожалению, нет и авторитетных общественных институтов, способных повлиять на ситуацию. Что ж, тем значимей задача истинного художника: выжить не только самому, но и творчеством своим дать возможность выжить всему настоящему, неподдельному, нехалтурному.

– Альтернативные пути развития, полуподвальные поэтические слемы и прочие виды выживания поэтического андеграунда – есть ли в этом прок?

– Прочему нет? Альтернатива вещь хорошая, она дает возможность выбора. Хуже, когда такого выбора нет, а есть только высочайше утвержденный репертуар и бдительный дирижер. А время – это такая мельница, в которой все перемелется. Шелуха всякая отсеется, мука останется.

– Самиздат – да или нет?

– Да. Но прошу не путать это с изданием за свой счет. Может,

– Каково вообще сегодня место поэзии, ее роль?

– Когда-то поэзия была явлением почти религиозным – вспомним обрядовую поэзию, например. Но все течет, все изменяется. Думаю, что главное – поэзия должна оставаться средством художественного и даже божественного, извините меня за высокий штиль, самопознания, и одним из языков духовного общения человека с человеком, с Богом, космосом...

– Если брать по гамбургскому счету – Вы, как творец, чувствуете в себе ответственность за судьбы мира?

– Ответственность чувствую, но компетенций недостает...

Поэтому делаю то, на что чувствую, компетенций хватает – пишу...

Иные скажут голоса о том, что я сказать не смею...

Нет, не боюсь, но – не умею, мне не подвластны чудеса...

Мне не дается легкость слова, ну, не дается – хоть ты плачь!

И нет ни хватки зверолова, ни неожиданных удач...

Есть только небо и Луна, есть только солнце и раздолье, есть птичий гам и тишина – и одинокое усолье, где только я себе опора, где эту принимаю роль...

И где из едкого раствора в трудах выпариваю соль...

– Ваш прогноз о пути развития и будущем поэзии?

– Я считаю поэзию верным спутником человека. Если сам человек и человечество идут по пути развития, если они заботятся о своем будущем, то поэзия поможет им в этом. А какой вид приобретут поэтические произведения, какие поэтические жанры возникнут – разве в этом дело?

– Есть ли вопрос, на который Вы сами хотели бы дать ответ?

– Есть такой вопрос: зачем я? Знай я ответ на него, возможно, смог бы соответствовать.

Если вам кажется – я существую, значит, и вас тоже нет...

Может быть, кто-то придумал нас все

или же это лишь бред чей-то, кто нами свой мир заселяя –

призрачный мир и больной, сам понимает, что шутка плохая,

но не владеет собой...

Мы-то и вовсе не властны над бредом,

миром кошмарного сна... Нам и творец наш не виден, неведом,

так же, как роль не ясна: кто мы, зачем заполняем пробы

в кем-то обжитом аду? Вот, что кого-то спросить бы хотел я... Только кого? Не найду...

Впрочем, думаю, никто, кроме меня, на этот мой вопрос мне не ответит. [P]

Поэзия должна оставаться средством художественного и даже божественного самопознания, и одним из языков духовного общения человека с человеком, с Богом, космосом...

безумно популярный сервис «караоке». Это новый этап развития песенной культуры или, наоборот, его вульгаризация и деградация?

– Почему деградация? Люди всегда пели, почему бы не петь с таким «суфлером», как караоке? Ну, а если кто-то при этом впадет в заблуждение – «пою не хуже, чем Пугачева», я думаю, жизнь это заблуждение развеет.

– Раньше люди пели на встречах, посиделках, праздниках в дороге. Сейчас многие поют только по пьянке. Привела ли урбанизация и разрыв традиционных социальных связей к окончательному умиранию массовой песенной культуры или это откровенное преувеличение?

– Ну, вот вы снова – «по пьянке»... Сами-то как, по пьянке поете или случается и по-другому? Массовая песенная культура, надеюсь, переживет и урбанизацию, и другие «зацики». Как говорится, еще споем!

я и не прав, но такого рода «самиздат» – это как признание того, что твое творчество никому, кроме тебя, не нужно.

– А Internet, новые средства коммуникации и, в первую очередь, социальные сети?

– Трижды да. Здесь взаимодействие «поэт – читатель» идет практически в режиме реального времени. И даже обратная связь почти мгновенна.

– Не ведет ли широта возможностей самиздата и Internet-технологий к профанации поэзии и графоманскому засилью?

– Инструмент не виноват, виноват тот, кто взял его в руки. А графоманы... Да их во все времена хватало. Конечно, мне бы хотелось, чтобы в Интернете мутный вал графомании хотя бы как-то маркировался, если уж не удастся его пресечь. Но я – не идеалист. Так что мой расчет на то, что вкус нашему читателю не изменит, что он разберется, где навоз, а где жемчужное зерно.

Справка

Гладкевич Юрий Вахтангович (литературный псевдоним – Юрий Беридзе)

Родился в 1956 году в Грузии. В 1974-1976 годах проходил срочную военную службу в Закавказском военном округе. В 1980 году окончил факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. 1980-1986 – служба на Северном флоте. В 1989 году окончил Военно-политическую академию им. Ленина по специальности «редактор». С июля 1989 года по август 1998 года проходил службу в редакции газеты «Красная звезда». В 1998 году уволился в запас.

Воинское звание – капитан 1 ранга. После увольнения с военной службы работал ответственным редактором в информационном агентстве «Интерфакс-Агентство военных новостей». В настоящее время – главный редактор газеты «Российская кооперация». Член Союза писателей России. [P]